

Автор настаивает, что все
совпадения случайны и вызваны
ТОЛЬКО фантазией самого ав-
тора и впечатлениями от самого
мистического города на земле...

От автора

Когда заговорит Сфинкс,
жизнь на Земле сойдет с при-
вычного круга...

Древняя пословица

Июнь 1869 г. Санкт-Петербург

мурым питерским утром, когда еще все приличные господа сладко почивают в своих постелях, худенькая русоволосая девушка спешила к лавочнику. Она проворно лавировала в хитросплетениях Васильевского острова, обходила глубокие лужи нечистот, встречающиеся ей на пути, перепрыгивала через канавы. Надо было успеть до восьми утра купить самые лучшие печатные пряники в Санкт-Петербурге, те, которые так любит ее хозяин, самый лучший сыщик города и окрестностей Аристарх Венедиктович Свистунов.

Каждый раз, пробегая мимо Академии художеств, Глафира Кузьминична Сумарокова замирала на месте от удивления при виде чудо-зверей — языческих идолов из далекой

южной страны, которых недавно установили на специально построенной для этой цели пристани.

Вот и сегодня она остановилась, с изумлением и благоговением взирая на полульвов-полулюдей, выполненных из розового асуанского гранита и заброшенных на берега Невы.

Но любоваться долго поразительными статуями горничной великого сыщика не дали.

Очнулась Глафира от пронзительного взгляда, буквально раскалывающего ей затылок. Быстро обернувшись, девушка увидела высокого мужчину восточной внешности с темной загорелой кожей и в странном экзотичном наряде, с трубкой в белоснежных зубах.

Он так бесцеремонно и нагло разглядывал Глафиру, что она вздрогнула, нахмурилась и, задрав подбородок, направилась в пекарню к Кондрату Попову, лучшему кондитеру Васильевского острова.

Незнакомец закурил трубку из слоновой кости, затянулся, пустил абсолютно круглое

облачко в серый питерский небосвод и еще раз гнусно улыбнулся, разглядывая Глафиру, и даже поцокал языком, что было совсем неуместно и неприлично в современном обществе.

— Какой невежа, однако, — хмыкнула Глафира и, недовольно оглядываясь, пропустила дальше по Английской набережной.

Ее хозяин должен проснуться к девяти утра, и печатные прянички, теплые, румяные, должны лежать на тарелке перед голодным лучшим сыщиком Санкт-Петербурга и окрестностей.

Напоследок ей показалось, что египетские сфинксы также нагло посматривают на нее, так что Глафира чуть не застыла от ужаса. Горничная фыркнула с досады, перекрестилась, но все же нашла в себе силы скинуть наваждение, прошептать «Какая чушь!» и почти бегом направиться к своей цели.

15 апреля 1828 г. Страницы старого письма

«Милая Кэти, не могу дожидаться встречи с тобой. Больше трех месяцев, как ты уехала домой, не выдержав невыносимую жару ны-

нешних мест. Только ты в меня верила, только ты поддерживала меня — знала, что я сделаю великое открытие, я внесу свой вклад в новую науку — египтологию.

И я нашел... Я действительно нашел их... Ты не представляешь, Кэти, какие силы таятся в этих сооружениях...

Эти два колосса были некогда частью огромного сооружения, остатки которого все еще выступают там и тут из нильского ила... Это место открыто исследованиями, отчасти подземными, которые велись беспорядочно, без плана; поблизости найдено более сорока львиноголовых статуй, выполненных из серого гранита, более или менее поврежденных, другие скульптурные фрагменты. Это самая настоящая каменоломня статуй, в которой по какому-то непредвиденному случаю они были собраны, словно в священном подвале, в ожидании нового появления на свет всего этого исчезнувшего великолепия.

Среди этого дебриса еще и сегодня видны сфинксы из розового гранита, около двадцати ступней в длину, прекрасной сохранности и самой прекрасной работы; эти сфинксы — самое

удивительное, что я видел в Египте. Но они, к сожалению, найдены для того, чтобы пойти на продажу: бесспорно, это самый нетронутый памятник из всех подобных ему, существующих сегодня».

Июнь 1869 г. Санкт-Петербург

Утро началось как обычно, Глафира накрыла завтрак в большой гостиной. Кроме вкуснейших печатных пряников из лавки кондитера Попова Глаша успела состряпать две дюжины рассыпчатых блинов, обильно полить их брусничным вареньем и даже подготовила мясной пирог: а вдруг хозяину, милейшему Аристарху Венедиктовичу, не понравятся блинчики?!

Хотя Глафира переживала совершенно зря. Господин Свистунов в один присест умял почти все блины, вытер варенье с рыжеватых усов, похлопал себя по объемному брюшку и, наконец, благосклонно взглянул на свою горничную.

— Эх, Глашка, молодец, милочка! Хорошие блиночки! Вот если бы ты еще свой

любопытный нос в мои расследования не совала — то вообще цены бы тебе не было! — сыто улыбаясь, как довольный кот, промолвил Свистунов.

«Ну все, хозяин оседлал любимого конька. Теперь начнет рассказывать про свои незаурядные детективные способности!» — подумала Глафира.

Слышать про уникальные таланты господина Свистунова уже в сотый раз горничная не захотела, потому довольно резко перебила хозяина:

— Аристарх Венедиктович, кушайте на здоровье! Раз уж блинки мои по нраву! Но разрешите молвить: если бы я не совала — как вы выразились — свой любопытный нос в ваши расследования... — девушка хмыкнула, — то многие расследования вообще не были бы завершены¹.

— Ой, не задавайся, милочка! — ухмыльнулся сыщик. — Мисс детектив, смешно, ей-богу!

¹ Читайте об этом в книгах В. Лисовской «Русалки Обводного канала», «Перстень русского дракона», «Путь к золоту Рюрика».

Глафира поначалу насупилась, но потом заметила, что Аристарх Венедиктович огрызается на нее скорее по привычке, что подобная утренняя перебранка по поводу детективных талантов горничной стала в их меблированных комнатах на Мойке вполне обычным делом.

Свистунов еще раз хмыкнул, не получив от Глаши никаких возражений, а только лукавую улыбку, немного сконфузился, доел остатки мясного пирога, запил все крепким чаем из самовара и попросил утренние газеты.

Глафира принесла стопку газет, заботливо оставленных почтальоном у дверей, и вернулась на кухню к своим основным обязанностям.

Через несколько минут Аристарх Венедиктович снова пригласил ее в гостиную.

— Глашенька, ты слышала новости? Еще один труп девушки нашли. Уже четвертая бедняжка, — размахивая печатным изданием, заявил Свистунов. — Ты там... это... поосторожнее утром ходи. Расчленитель снова в районе Васильевского острова появился.

У всех убитых девушек внутренности извлечены из дыры в левом боку. Страсти какие! Газетчики тут еще такие ужасы описывают! И все это на нашем острове! Что за безобразия творятся! Вот некий Илья Борзов пишет: «Убитая прачка Авдотья Сиганова двадцати двух лет от роду была найдена на пристани напротив Академии художеств. Жертве были нанесены чудовищные увечья», — сыщик побагровел, запивая все третьей чашкой крепкого чая.

— Напротив Академии художеств — там же как раз рядом сфинксы стоят! — задумалась вслух Глаша. — Аристарх Венедиктович, а вы сами не хотите найти преступника? Сами не желаете поймать ужасного Расчленителя, который девушек убивает? — подливая чай хозяину, Глафира постаралась придать своему голосу ровные интонации.

— Да, конечно, я бы мог за пару дней найти преступника. Я самый лучший сыщик Санкт-Петербурга и окрестностей! Мне любые дела по плечу! Но... — глазки у Аристарха Венедиктовича забежали, — но

у меня сейчас очень много дел, я не хочу сразу на несколько расследований распыляться. Это тебе не блины стряпать, — фыркнул он.

— А подскажите, какими вы еще расследованиями занимаетесь? — вежливо спросила горничная. — Ведь после дела Луки Матвеевича у нас сейчас затишье.

— Ой, много ты понимаешь! — снова фыркнул Свистунов. — Совсем я распустил прислугу, ты мне еще будешь говорить, какие дела делать, а какие нет! — зашипел хозяин, теперь как рассерженный кот. — И вообще, если бы я хотел, то всех преступников города поймал и пересажал в кутузку. Но мои незаурядные способности не позволяют мне размениваться на всякую ерунду...

— Четыре расчлененные девушки — это вы считаете ерундой? — удивленно подняла брови Глаша.

— Четыре или пять девушек — это не так важно, я сейчас занят более важными и важными делами и тебе того же советую. Кстати, о делах. Ты разве не слышишь, наш дверной колокольчик уже пару минут зве-